

О МОЁМ ПОКОЛЕНИИ¹

Н.В. Мотрошилова
Институт философии РАН

Аннотация: *Статья посвящена поколению шестидесятников. Автор, опираясь на личные воспоминания и свидетельства современников, представляет обобщенный портрет интеллектуалов той эпохи, размышляет о том, как они проявили себя в философской жизни и философском творчестве. Шестидесятники представлены как философски единое поколение, определяющееся сходством ориентаций, ценностей, установок, которые чётко прослеживаются во всем, что они делали в своей профессии. Наряду с анализом интеллектуальной жизни философского факультета МГУ и центральных тем, разрабатываемых коллегами из Института философии, автор рассказывает о функционировании неортодоксальных философских сообществ 1960-х. Особое внимание уделено взаимодействию философ-шестидесятников и деятелей культуры той эпохи.*

Ключевые слова: *философское поколение, коммуникация, философские дискуссии, Институт философии РАН.*

Благодарности

1) Выражаю благодарность всем коллегам, чьи материалы использованы в данной статье.

2) Члену-корреспонденту РАН Ю.В. Синеокой, которой принадлежит сама идея этой статьи (как, впрочем, и идеи исполнения других успешных проектов как нашего сектора, так и Института философии РАН в целом). Ю.В. Синеокая когда-то была моей аспиранткой; её аспирантская работа – как и другие успешные проекты Института философии РАН, инициированные ею, – может служить хорошим доказательством главных идей моей концепции о взаимосвязи поколений, нашедших выражение в предлагаемой статье.

3) Антону Цыгурову, аспиранту ВШЭ, конкретно аспиранту П.В. Резвых, который не только взял на себя труд компьютеризации статьи, но и успешно дополнил её моими материалами, опубликованными ранее в разных изданиях. Пользуюсь случаем поблагодарить А. Цыгурова за составление полного библиографического списка моих работ, а также за постоянную библиографическую помощь в других вопросах.

Что касается предлагаемой далее статьи, то я не только благодарна за её высококлассное дополнение. Считаю, что помощь, оказанная мне А. Цыгуровым в вопросе о поколениях, сама является одним из лучших практических подтверждений главной идеи статьи – об огромной важности взаимодействия

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 1232 с., ил. – С. 318–346.

научных поколений как в истории российской философской науки, так и в современной деятельности философов России.

Вступление

Нашу очередную книгу – из той серии, которая представляется мне чередой весьма удачных по темам и выполнению работ, выпущенных и выпускаемых в последние годы в Институте философии РАН, – я ожидаю с особым интересом. Но должна сразу признаться, что сама испытываю немалые трудности – скажем, в выполнении исходного условия, предъявляемого авторам. А именно: каждому из нас предложено писать о «своём» поколении. До сих пор это толкуется не только как зависимость от чисто возрастного фактора, что я нахожу глубоко верным. Да и в соответствующей литературе, где, так или иначе, затрагивалась поколенческая тематика, уже давно определились с тем, что деления по чисто возрастным группам недостаточно.

Так, применительно к течению исторического времени, философские поколения в нашей стране и их деятельность поставлены в зависимость от деления на более конкретные и дробные периоды, определяемые теми или иными решающими вехами в развитии России, её науки и культуры. В составе уже новых, «неортодоксальных» поколений (впрочем, далеко не только внутри философии), например, специально выделяют «шестидесятников» и «семидесятников», в частности говоря о том, как именно они проявили себя в философской жизни и философском творчестве. Вспоминая сегодня о реальных размежеваниях, а также о единствах во время обучения в 50-х годах XX века на философском факультете МГУ (моё студенчество – 1951–1956 гг.), я хорошо помню и обыкновенно фиксирую объединение ряда студентов, в деятельности которых и мне довелось участвовать. Во-первых, это были группы, сформировавшиеся вокруг наших наиболее ярких, профессиональных преподавателей, которые – как Э. Ильенков, А. Зиновьев и др. – возвратились с войны. Они и по чисто возрастным критериям, и, главное, по жизненному опыту (как прошедшие войну) были старше нас. Их влияние (не на всех, но на наиболее активную и влюблённую в философию часть нашего поколения) было огромным. В документах последующих лет это неплохо зафиксировано. Именно этих наших учителей я выделяю в особую категорию – по разным причинам и критериям, в том числе по тому, что их военный опыт несравним ни с каким другим, а также в силу их чисто профессиональных и личностных качеств (об этом, скажем, можно прочитать в целом ряде воспоминаний об Э. Ильенкове как об учителе, наставнике, удивительно разностороннем интеллигентном человеке, от которого мы узнавали не только о «подлинном» Гегеле, но и, например, об операх Вагнера, которые мы слушали записанными на пластинках в его доме [Лекторский 2016: 5–13; Эвальд Васильевич Ильенков... 2004: 5–7].

То же можно, но со ссылкой на другие детали, сказать о притягательном для молодёжи А. Зиновьеве. Недаром же наш поэтически одарённый Э.Ю. Соловьев в одной из своих песен написал: «Все мы вышли из шинели, из шинели Эвальда и Сашки». Были и другие наши учителя – профессиональные профессора и преподаватели (например, для студентов моей специальности – с кафедры истории зарубежной философии). Это, скажем, также пришедшие с войны Т.И. Ойзерман и другие преподаватели этой кафедры. Об особом, для меня счастливым случае я уже писала: научным руководителем моей дипломной работы о II томе «Логических исследований» Гуссерля согласился стать настоящий университетский профессор В.Ф. Асмус (к слову, никому не позволено уже в наше время бросать тень на его честное и светлое имя). Словом, учителя останутся учителями – история уже рассудила, кто был ими в непреходящем, общем и специальном философском смысле. Вычесть из раннего студенческого времени моего поколения уже содержательное примыкание молодых тогда людей

к группам, разделенным внутрифилософскими критериями принципиального характера, совершенно невозможно.

Сейчас акцентирую два главных фактора, позволяющих начертать сложную по генезису картину общения и размежевания поколений. Во-первых, представители разных групп студенчества примыкали, в качестве учеников, к разным преподавателям по своим не просто личным симпатиям и антипатиям, а по содержательным соображениям. Ещё один фактор, важный для самоотнесения к какому-либо философскому поколению, связан с тем, сколь заметным является воздействие студенческой среды, её самых ближних (однокурсники) и более отдалённых (студенты старших курсов) кругов. Например, так случилось, что в мои студенческие годы было особое влияние на нас, младшекурсников, необычайно сильного в философском отношении состава старшекурсников и аспирантов. Достаточно назвать имена тех, кто учился (в мою студенческую пору) на старших курсах и в аспирантуре. Мы слушали, подчас сбегая с официальных занятий, таких философов, как Мамардашвили, Щедровицкий и др. Вот почему система возрастной горизонтальной, разумеется, скажет что-то важное о кругах влияния, но эти горизонтальные поколения в биологическом смысле (в зависимости от возраста) не определяют связь поколений в содержательном, внутрифилософском смысле. Например, у вышеупомянутого М. Мамардашвили уже учились не только мы, младшие, но и те, кто был (биологически, по возрасту) старше его. Словом, я ратую за то, чтобы не отождествлять чисто биологические различия и связи между поколениями с различиями и связями философски единых поколений.

Философски единые поколения определяются в конечном счёте не чисто возрастными факторами, а скорее сходством ориентаций, ценностей, установок, которые становятся важными не только для формирования их спаянности, но и чётко прослеживаются во всем, что принадлежащие к ним люди делают как в своей профессии в целом, так и в её специфических (старых и новых) подразделениях. И они, согласно этому исходному определению, могут объединяться ещё и в различные возрастные группы, могут входить, скажем, в такие объединения, где они по возрасту сильно старше или, наоборот, существенно моложе своих философских наставников и авторитетов. Именно в этом смысле я решаюсь соотнести себя, своё формирование, свою солидарность, свою судьбу с теми ориентациями, которые равно примыкают и к философскому учению М. Мамардашвили, старшего на четыре года, и к определяющим принципам философствования А.А. Гусейнова («семидесятника»), который существенно моложе. Это отнесение не чисто возрастное, а содержательное. В каком смысле?

Прежде всего, надо принять во внимание то первостепенно значимое обстоятельство, что одно философское поколение от другого объективно отделяют фундаментальные исторические, поистине эпохальные изменения. Они, конечно, не могут свершаться каждые 5–10 лет, когда, по законам природы, происходят биологические, возрастные изменения. Именно так мы и воспринимаем появление «поколений» в наших дисциплинах. Нам всего важнее, в профессиональном смысле, не то, какой возраст нас объединяет или разделяет, а то, каковы наши главные профессиональные установки и ценности. Кстати, для этого лучше всего интересоваться тем главным, что в данном случае, в философии, сделал и делает человек, с которым ты эти ценности разделяешь.

И всё-таки в том, о чем я непосредственно веду речь, играет свою роль и такой фактор: в этом случае биологическая разница не должна быть слишком значительной. Так, я ещё стану претендовать на принадлежность к одному философскому поколению с Лекторским, который чуть старше, или с А.А. Гусейновым, который моложе, но не, скажем, с Н. Автономовой, которая сильно моложе. Чем я по-настоящему горжусь, так это доверием и «старших», и «младших». Например, и Лекторский, и Гусейнов, и Автономова равно изъявляли желание,

чтобы именно мои статьи не просто фигурировали в посвящённых им коллективных трудах, но и были вступительными частями. Это, возможно, говорит о каком-то доверии к моему пониманию, что мне особенно важно. Но, разумеется, это не единственное, что требуется, особенно сегодня.

* * *

Вопрос о поколениях, разумеется, требует от каждого из нас (особенно от старших) внимания, деликатности и понимания по отношению к поколениям младших. В целом здесь многое определяется традициями учреждения, тем более если ты трудишься в нем всю сознательную жизнь.

Львиная доля моей благодарности в адрес Института философии РАН, куда я пришла аспиранткой и где я работаю до сих пор, принадлежит тем людям и установленным ими порядкам, благодаря которым сохранялись условия для развития, роста отдельных людей и целых коллективов. В особо трудные советские периоды мы как сообщество всё же умудрялись не дать в обиду философски ценное содержание и его творцов. Часто солидаризируясь с А.А. Гусейновым в его обобщениях, разделяю и его общую оценку деятельности коллектива Института философии РАН в последние годы. Так, он писал (в предисловии к моей книге «Работы разных лет»), что старшее поколение Института философии было «несущей конструкцией» [Гусейнов 2005: 11] отечественной философии. Со времени, когда А.А. Гусейнов написал эти слова, опять прошло немало лет. Думаю, в целом можно утверждать, что наше, в широком смысле слова, старшее философское поколение ещё работающих философов выполняло свой долг и прошедшие, последние годы. Сформировались ли в последние годы те новые поколения, которые способны к творчеству в философии новых этапов, к объединению, консолидации сил, а в случае, если они ценят сделанное предшественниками, к продолжению лучших традиций Института философии РАН и, разумеется, к преодолению того, что они не приемлют в деятельности старших поколений, – вот вопрос, ответ на который также хотелось бы получить из этой книги.

Моё поколение: философы-шестидесятники

Исторические факты подтверждают, что уже в годы, относительно близкие ко времени окончания Второй мировой войны (чудовищной для всего мира, но особенно для России), как в российской науке в целом, так и в гуманитарных дисциплинах в частности – включая особо интересующую нас философию – произошёл, запечатлевшись в разных формах и результатах, настоящий прорыв, приведший к формированию и развитию высокопрофессиональной, специализированной философии, отвечающей критериям философской научности, доказательности, теоретической состоятельности. При этом потенции этого раннего прорыва оказались настолько мощными, что они действовали и в «советские» 50–80-е годы, а также продолжали оказывать своё влияние в постсоветское время, вплоть до наших дней. Для многих российских специалистов (в том числе и сегодня продолжающих успешно трудиться в сфере исследовательской философии) это был своеобразный опыт «включённого наблюдения», причём в самом начале процесса их развития. В последующей профессиональной деятельности они не раз обращались к осмыслению ранних этапов своего становления и развития в рамках послевоенной отечественной философии.

Вновь возвращаюсь к описанию А.А. Гусейновым поколения «шестидесятников». Считаю его яркой и правдивой сжатой характеристикой особенностей и значения деятельности лучших философов того поколения (наиболее известных, высокопрофессиональных, активно противостоящих официальным идейным образцам советского и постсоветского времени). В точных и трепетных словах он правдиво очерчивает общее социальное поведение и дей-

ствия шестидесятников. Особенно важна эта обобщающая характеристика ещё и потому, что сам Гусейнов начал успешно и самостоятельно работать в 70-х годах XX века, т. е. он принадлежит следующему философскому поколению – «семидесятников» – и, стало быть, может судить о близких предшественниках объективно:

«Это были конкретные, известные по именам, в большинстве своём знавшие друг друга люди, которые исповедовали определённые ценности и были сплочены благодаря им... Шестидесятники не просто обозначили сдвиг от монументальности, самопожертвования, послушания к камерности, индивидуальной ответственности. Они были вдохновлены этим и вели себя как люди, которые знают великую тайну... Шестидесятники создали больше, чем особую атмосферу, они создали особое публичное пространство. По существу, это был «параллельный полис», если воспользоваться термином В. Гавела, но только по существу, ибо формально он не был отделен от официального, а находился внутри него. Шестидесятники, используя наличные формы, одновременно стремились преобразовать их; они были деятельны, активны, всюду, где могли и как могли, навязывали свои критерии... Шестидесятничество... было воплощено в индивидах, их личных отношениях, поступках, функционировало так, как если бы представляло собой этическое состояние» [Гусейнов 2005: 5–7].

Приступая к более подробному описанию моего поколения, замечу, что невозможно перечислить здесь все имена, направления, тонкие специализации, в рамках которых шла исключительно интенсивная, новаторская, исследовательская философская работа людей, чьи имена теперь уже вписаны в историю российской мысли периода 60–80-х годов XX века, именно тех философов, которых впоследствии называли «шестидесятниками». И они действительно составили философское ответвление более широкого движения большого социально-исторического размаха и особого значения для будущего России, особенно для её науки и культуры. Предварительно перечислю характеристики, которые считаю определяющими для этого поколения.

1. Люди, действительно внёсшие вклад в развитие гуманитарных наук и культуры в России 60–80-х годов XX века, если не полностью спасались, то все же отчасти уберегались от повседневного надзора, выбирая для конкретной работы в основном идеологически нейтральные, специализированные области культуры и науки. Туда, как правило, редко когда проникал бдительный надзирающий взор тех, кто делал это по долгу службы или «по велению сердца». В каждой из таких областей (в философии то были логика, теория познания, история философии) к тому же существовали проблемные сферы, к тому же особенно трудные и тонко специализированные (в истории философии, например, связанные с необходимостью владеть иностранными языками, европейскими или восточными).

2. Из такого объективного разделения специализированного научного труда вытекало важное следствие, а именно складывание и взаимодействие особых научных сообществ, не совпадающих с официальными культурными и научными учреждениями. Отсюда – особое значение для культуры и науки того времени взаимодействия малых групп, малых сообществ, больше всего заинтересованных в развитии конкретных видов знания.

2а. Тот простой факт, что коммуникация в рамках таких групп и между ними относится к «микросоциальному» уровню, делает их складывание и существование той предпочтительной формой внутринаучной и внутрикультурной деятельности, которая стремится избежать контроля, «догляда» (например, идеологического характера). Вот почему межличностное общение где-то «дома» (или в спаянных малых научных сообществах) сделалось такой важной формой коммуникации в культуре, науке советского времени (сходные процессы наблюдаются и в любое другое – перегруженное подавлением, контролем – историческое время).

2б. Ещё один конкретный – уже институциональный – пример: даже среди официальных учреждений появляются такие, в которых (иногда парадоксально и причудливо) создаются более благоприятные условия для развития более свободных, неподконтрольных научных идей и исследований. В России 50–70-х годов XX века это было довольно характерное явление.

3. Оттепель 60-х годов привнесла изменения и в том отношении, что она в целом благоприятствовала колоссальной и очень широкой популярности в общественном сознании таких людей и таких произведений, которые (вопреки, а может и «благодаря» внешней несвободе) сумели сформировать себя как личности, больше всего настроенные на волну свободы и свободного творчества. Популярность таких личностей, их колоссальное влияние на общественное сознание (отчасти через официально «разрешённые» публикации – как в случае произведений А. Солженицына и других прежде запрещённых писателей, отчасти через «самиздат») были неизмеримыми, сегодня труднопредставимыми. Что касается неортодоксальной философии и философов, тогда тоже набиравших популярность (яркие примеры – М.К. Мамардашвили, П.П. Гайденко², Э.Ю. Соловьев и др.), то это было новое явление, особенно отрадное на фоне недавнего официального засилья кондовой философии, которое несколько ослабло.

4. Нельзя не упомянуть о таком поистине диковинном для советской России явлении, как ставшая возможной «миграция» подпавших под официальные подозрения умов и талантов того времени из одной институции (если в ней слежка и внутренняя идеологическая атмосфера становилась жёсткой) в другие, где такие условия были более сносными. Приведу пример: в учреждении, носящем идеологизированное название – Институт международного рабочего движения, – собрались вытесненные с прежних мест работы талантливейшие философы, социологи, культурологи, искусствоведы (из философов – П.П. Гайденко, А.П. Огурцов, Э.Ю. Соловьев, социолог Ю.А. Замошкин, искусствовед В.Я. Вульф и другие уже известные специалисты). В этот институт на семинары и доклады стекалась, что называется, вся Москва. Вспоминаю: в ИМРД мне довелось слушать поистине гениальные, очень подробные лекции С.С. Аверинцева (о формах «управления» наукой и культурой в Древнем Риме). На многих малоизвестных площадках укрепились своего рода учебные центры – например, работала выдающаяся группа Г.П. Щедровицкого. Начались – и мигрировали из одних мест в другие – популярнейшие тогда лекционные курсы М.К. Мамардашвили.

* * *

Такие лекции, семинары, отдельные встречи в исследуемое время начали приобретать популярность, и не только в Москве, Ленинграде, Минске и т. д., но во многих других городах, даже малых городках нашей огромной страны (скажем, в быстро снискавших известность наукоградах – Дубне, Обнинске и др.). Типичный факт: их «аудитории» (в обоих смыслах) никак не ограничивались местами работы лекторов и слушателей, кстати, тоже

---

² Вспоминаю, как после окончания факультета я встретила в Ленинской библиотеке (кстати, лучшей библиотеке Москвы, где студенты могли и имели обыкновение работать) Пиаму Гайденко. Теперь она – своего рода классик, автор целого ряда не утративших, а подкрепивших своё значение блестящих работ по истории западной и русской философии. Я узнала, что она, тогда пятикурсница, пишет дипломную работу о Хайдеггере. Я стала уговаривать её заниматься философией Гуссерля; она утверждала, что первенство должно принадлежать изучению философии Хайдеггера (последующее время рассудило наш спор по-своему: она впоследствии углублённо занималась и философией Гуссерля, а я до сих пор, не забывая о Гуссерле, стала специализироваться и в философии Хайдеггера, включая поистине сенсационные во время их написания Хайдеггером тайные «Чёрные тетради»). Например, Пиамы Павловны написала выдающегося качества, захватывающую книгу о трагедии жизни и творчества датского мыслителя Сёрена Кьеркегора, который, кстати, был хорошо известен и русским дореволюционным философам, а потом забыт. Так, кстати, восстанавливалась связь времён и традиций отечественной мысли...

в разные периоды варьировавшиеся. Главная причина их популярности состояла, в частности, вот в чем: действительно выдающиеся «физики» (в то время это было своего рода общее обозначение для специалистов в точных и естественных науках, известных и ценимых и в России, и во всем мире) действительно интересовались продвинутыми «лириками» (широкое название для наиболее успешных, интересных и неортодоксальных деятелей культуры, искусства и учёных-гуманитариев). А тем самым «физики» как бы удостоверяли ценность контактов, взаимодействий с «лириками», а также – в случае официозных гонений – и взаимоподдержки. А подобных явлений было предостаточно. Это касалось именно самых ярких философских событий 60–80-х годов, каковыми становились публичные философские лекции, семинары, доклады³.

В этой связи нельзя не упомянуть интенсивно развивавшуюся в то время специальную и традиционную отрасль, философию науки – философию естествознания, математических и других наук. И она – что широко известно – в то время испытала особо интенсивные процессы развития, в частности, в академических институтах и на факультетах философии всей страны. Это, например, воплотилось в работе целых групп, сообществ специалистов (с известными тогда и сегодня, признанными выдающимися философами, лидерами мирового класса в своих областях). Среди первых и ясных подтверждений такого рода фактов – огромная литература, в частности отражающая историю нашего главного журнала «Вопросы философии» и демонстрирующая – что важно – идейно-теоретическое взаимодействие выдающихся учёных советского времени и лучших философов нового тогда поколения:

«Для тех, кто судил о нашей философии только по учебникам, всего этого как бы и не существовало. Вместе с тем наши философы сумели в эти годы наладить неплохое профессиональное общение и взаимодействие с рядом представителей наук о человеке: психологами, историками науки, некоторыми лингвистами и др. В эти годы устанавливаются уважительные отношения с математиками и виднейшими естествоиспытателями. Самое интересное состоит в том, что в процессе взаимных дискуссий философов и представляемых ими школ обсуждается и разрабатывается ряд фундаментальных проблем теории познания и философии науки, в том числе таких, которые привлекают внимание наших западных коллег позднее. Роль «Вопросов философии» в развитии этого философского движения была поистине уникальной» [Лекторский 2008: 7].

Парадоксом и трудностью было то, что власти, «отвечавшие» за идеологию, достаточно рано и не без идеологического же чутья вполне осознали опасность, «крамольность» и содержания лекций, и настроений таких аудитории. Они постоянно воздвигали на их пути те или иные запреты, препятствия. И всё равно таких «неугодных» власти философских лекторов, педагогов становилось всё больше; их аудитории множились и становились всё более широкими⁴.

³ Один пример: в 70-х годах мне довелось быть консультантом (со стороны философии) философско-методологического семинара – и не где-нибудь, а в прославленном Институте им. Курчатова! Руководил им известный физик, теперь академик Ю.М. Каган. Меня приятно удивило пожелание, которое высказал один из участников семинара (как потом оказалось, крупный учёный). Он сказал: «Только не проводите параллель с физикой; пусть у вас будет восстановлен специальный философский перпендикуляр к ней!» При уточнении просьбы другими участниками семинара оказалось: физики просили меня и приглашённых мною философских коллег рассказывать о новейших направлениях западной философии (в чем, к счастью, и состояла моя и ряда моих коллег уже и тогдашняя специализация).

⁴ Сошлюсь – в подтверждение – на свои собственные слова, включённые в некролог, опубликованные в «Литературной газете» от 12.12.1990 на смерть Мераба Константиновича Мамардашвили (15 ноября 1990 года): Помнится, для лекций Мераба (так его часто называли. – Н. М.) в Москве в 70-х годах трудно было подыскать помещение – самые вместительные аудитории всегда были переполнены. И вот что поразительно: говорил он

Облегчал дело объективный факт огромного значения: ведь в ту докомпьютерную эру уже существовали магнитофонные записи! На публичных лекциях, семинарах М. Мамардашвили (и других философов) делались десятки магнитофонных записей. А затем, расшифрованные, они широко распространялись по стране в виде своеобразного философского самиздата! И у этого специализированного самиздата было множество заинтересованных потребителей, причём не только философов! А теперь, уже в наше время, существуют целые пласты в таком виде собранного (а частью и грамотно обработанного) наследия М. Мамардашвили (например, уникальные разработки, связанные с философским осмыслением текстов Марселя Пруста). Они обработаны и частично изданы (при посредстве Фонда М. Мамардашвили, которым руководит его дочь А.М. Мамардашвили) прекрасным специалистом А. Парамоновым.

Затронув именно этот вопрос об обращении даже такого эрудированного философа, как Мамардашвили, к анализу тончайших, в высшей степени специализированных литературных текстов, объективности ради нельзя упустить из виду и такой громадной важности исторический факт, как существование и исполнение в советское время масштабных и именно государственных (потребовавших солидных средств) культурных издательских программ. Обратим внимание на те, которые были особенно важны для философов, имели именно философское содержание или за их исполнение отвечали тончайшие специалисты мирового класса. При этом (в зависимости от специализации) они существовали в разных культурных центрах тогдашней России. Они отражали богатейшее разнообразие исторических форм цивилизационного, культурного, научного опыта. А эти источники (первоклассно переведённые, обработанные, систематизированные, прокомментированные) были, так сказать, «хлебом» для работы многих гуманитариев. Для их создания и издания нужны были в высшей степени грамотные авторы (редакторы, корректоры и т. д.). Так, историко-философские источники разных цивилизаций, стран, времён великолепно по качеству и фундаментально по охвату материала публиковали специалисты издательства «Мысль» (в их обязанности входила, в частности, и организация ритмичности всей совокупной, многосоставной работы). Спрашивается: куда все это делось сейчас – в стране, которая (в советское-то время!) была в авангарде публикации и исследования первоисточников мировой культуры?!

Обобщённый портрет участников движения шестидесятников

Кратко набросаем – применительно к философии – обобщенный портрет участников послевоенных молодёжных групп, вступивших в ряды студентов, а потом – учёных, многое в данном случае срисовывая «с натуры», т. е. с особенностей развития, действия, ценностей этих поколений 50–60-х годов, не забывая о многих трудностях, противоречиях, но – несмотря на все – отстаивая мысль об их в целом успешном, содержательном развитии. Сначала – о социальных предпосылках положительного динамизма.

о необычно сложных материях – прежде всего и чаще всего о сознании, о «законах его устройства», о великих философах, например о Канте или Декарте; и он не был в привычном смысле слова блестящим оратором, – но «вся Москва», да и не только она, старалась не упустить ни одного поворота неупрощенного Философствования. Тут были, конечно, философы (философская молодёжь росла не только в тенётах идеологического, увы, таким и оставшегося факультетского преподавания, но, слава Богу, могла слушать Мамардашвили). А одновременно приходили психологи, историки, поэты, художники. Что же влекло их? То, что они прикасались к миру увлекавшей в свои глубины оригинальной, искренней, личностной, взыскательной мысли. Мераб не страшился выносить и прямые политические суждения, разумеется критические. Понятно, что тайные и явные идеологические соглядатаи встревожились. Лекции то и дело «прикрывали». Об их опубликовании не могло быть и речи – о том озаботился лично М. Зиянин, тогдашний секретарь ЦК по идеологии, на одном из заседаний устроивший «проработку»... [Мотрошилова 2007: 10–11].

1. Важнейшим фактором было то, что (даже во время войны) сохранялся традиционно высокий уровень российского школьного образования. Поэтому с теми, кто окончил хорошие московские, ленинградские школы, успешно конкурировали – и при поступлении, скажем, в МГУ, и в процессах обучения – юноши и девушки, приехавшие из разных небольших городов и весей. И студенты – москвичи, ленинградцы и т. п. частенько должны были убеждаться даже в значительных преимуществах подготовки тех сверстников, которые приезжали из провинции. Сыграл дополнительную роль и такой фактор: в многонациональной стране потенциал новых талантов, затем обогащавших науку и культуру, был поистине огромным.

2. В социальном плане этим новым поколениям повезло в том отношении, что в нашей стране (особенно после смерти И.В. Сталина в 1953 году) исподволь, а потом все активнее разворачивались процессы десталинизации. Конечно же, они особенно ускорились и усугубились в годы, последовавшие за пусть и непоследовательной, противоречивой критикой на XX съезде КПСС культа личности Сталина. Если на факультете, в том числе среди учащихся, были сталинисты, то они предпочитали хранить эти настроения про себя. Те, кто работал в философии России в этот и последующие периоды, хорошо знают, насколько глубоко и основательно десталинизировались именно философские сферы научной работы. Причина проста и ясна: в своей работе – причём с самого начала её – самые перспективные философы России уже решили (по крайней мере, для себя) все подобные проблемы (преобладание студентов-философов, поддерживавших десталинизацию, могут подтвердить многие из них).

3. Нельзя не упомянуть о некоторых социальных предпосылках, которые в тот период были как бы само собой разумеющимися, но практически влекли за собой серьёзные позитивные социальные результаты (особенно очевидны они в свете просчётов, которые с болью, если не отчаянием, можно наблюдать сегодня в сферах образования и культуры). Образование было бесплатным (как школьное, так и вузовское); в сущности, не ощущалось зависимости поступления абитуриентов в вузы от доходов родителей. Противоположное – в условиях, когда у многих отцы (и даже матери) погибли на войне – закрыло бы перед очень способной молодёжью дорогу к высшему образованию. К счастью, этого не произошло. Существование этих и подобных социальных предпосылок в конечном счёте способствовало мощному взлёту в сферах науки, соответственно, техники, да и всей культуры в послевоенной России. Это вряд ли возможно подвергнуть сомнению.

Процессы, происходившие в России в сфере высшего образования (мы их рассматриваем на примере философии), совпали по времени и тенденциям с развёртывавшейся во всем мире, включая Россию, научно-технической революцией. Сколько бы ни возникало в нашей стране идеологических препятствий на её пути, все же действовали мощные, притом вполне объективные стимулы. Это был, например, социально-исторический запрос на компетентность, умение действовать не на линии требований вздорной «советской» сверххлояльности, а с учётом возросших требований к уму, знаниям, организационным талантам людей. Напомним ещё раз, сколь оживилась в 50–60-х годах неформальная, неофициальная коммуникативная деятельность. Конечно, будучи сотрудниками философских учреждений, представители неортодоксального сообщества участвовали и в официальных конференциях, симпозиумах, подчас придавая им более свежее звучание. Но насколько более оживлёнными и содержательными были траектории коммуникации неофициальных сообществ, что было вполне понятным следствием зарождающейся плюральности, разнообразия возникающих новых центров и формирующихся школ.

Как будто бы привычные слова «семинар», «конференция», «доклад», «дискуссия» наполнились новым и очень важным, поистине знаковым смыслом. По всей стране стали дей-

ствовать как бы стихийно возникшие, никем сверху не навязанные, но регулярно работавшие творческие семинары. Сами их участники становились инициаторами конференций, дискуссий, потом регулярно проводившихся в Москве, Ленинграде, Минске, Киеве, Новосибирске, Томске, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Риге, Тбилиси и других городах нашей страны⁵. Не забудем, что на них охотно и быстро съезжались, слетались относительно молодые или очень молодые (приходило следующее новое поколение!) люди, лёгкие на подъём, динамичные, нередко честолюбивые, с немалыми научными амбициями и фундаментальными замыслами, для которых именно научные, исследовательские контакты становились важнейшими способами приращения информации, сообщения, проверки собственных гипотез. Это были дискуссии – именно содержательные споры, а не идеологические проработки, с которыми ещё в совсем недавнее время ассоциировались слова «философская дискуссия»...

Здесь уместно вклинить мысль о значении многонационального фактора в бывшем СССР. Скажем, мы, москвичи, стремились понять и, в конце концов, хорошо понимали, у кого из философов СССР, в каком из краёв нашей необъятной страны можно собрать и освоить те или иные знания. С точки зрения культуры посещение столиц и городов союзных республик открывало нам возможность освоить лучшие образцы национальной культуры других народов нашей страны (вспоминаю, как в Грузии нас, москвичей, знакомили с творчеством лучших художников, как в Латвии мы имели возможность увидеть и приобрести великолепные пейзажи Риги). И в философии, и в других областях науки и культуры многонациональный фактор оказывал глубокое позитивное влияние. Расскажу об одном случае из своего опыта. Так получилось, например, что во время обучения в аспирантуре ИФ довелось слушать – среди других – лекции К.С. Бакрадзе, замечательного философа, знатока истории философии. Его судьба была трудна и необычна, но по-своему драгоценна: он слушал в Германии лекции Риккерта и Гуссерля. Ему было о чем рассказать нам, аспирантам. Словом, начиная с 60-х годов для моего поколения философов особое значение имела эта потенциальная объективно весьма важная широта межнационального культурного опыта.

Отдельные явления в философии 60-х годов

К нашему времени уже накопились ценнейшие исследования относительно некоторых удивительных феноменов истории российского духа, русской культуры 60-х годов XX века. Примером нам здесь послужат знаменитые теории диалога. Литература на эти (и пограничные) темы обширна, высококачественна и достаточно сложна. К лучшим отечественным работам на эти темы оправданно относят книгу Н.С. Автономовой «Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров» [Автономова 2009: 17]. Эта книга, в частности, интересна тем, что она богато документирует раннюю историю соответствующих по содержанию и влиянию классических феноменов российской культуры – в тесной связи с общемировыми тенденциями. В частности, Н. Автономова начертала удивительно яркую (хоть и очень трудную) историю развития российской мысли с начала 1920-х по 1930-е годы (скажем, на при-

⁵ Вспоминаю такой эпизод из тех времён. Группа философов из Москвы, в частности из Института философии, была приглашена на конференцию в Тбилиси. Я входила в её состав – с докладом о теории ценностей. Помнится, академик М.Б. Митин сразу ринулся в бой и заявил, что учение о ценностях – концепция только и именно буржуазной философии, а потому в марксистско-ленинской философии её надо отвергнуть изначально. Поскольку подходы моего доклада были прямо противоположными, это митинское «вступление» как бы отвергало их целиком и полностью. И тут слово взял директор Института философии Грузии, известный учёный Нико Чавчавадзе. Он целиком поддержал мой подход и добавил, что в Грузии идеологические обвинения давно уже считаются ненаучными и потому недопустимыми. Отпор догматике, таким образом, был дан чётко, публично и дружно. И ни Митин, ни другие его единомышленники не решились больше выступить в массовой аудитории пришедших на философскую дискуссию.

мере анализа славяноведения) и связанной с поистине славным именем Р.О. Якобсона (с которым Н. Автономовой впоследствии довелось познакомиться лично).

Удивительно и в данном случае то, что «из-под глыб» репрессий, идеологических и всех иных утеснений в России опять-таки пробилась идея и концепция, опередившие своё время. Мало кто, подобно Автономовой, обладает как конкретными, так и теоретическими знаниями (и щедро делится ими) о концепциях М. Бахтина и его школы на разных этапах их творчества. В частности, Н. Автономова сама является автором тонких философско-лингвистических исследований, которые она создавала и примыкая к некоторым идеям Бахтина, Лотмана и т. д., и критикуя их. Ей принадлежат, в частности, лучшие не только в России, но и во Франции 1970–1980-х годов (где она – в Университете Париж – Сорбонна – вела семинар о концепциях М. Бахтина) разработки, посвящённые влиянию М. Бахтина на французскую философию.

Заметим, что увлечённость авторов «советского» периода концепциями Бахтина и его школы была особой. Как «классическую» российскую теорию диалога, так и бахтиноведение интересующего нас периода 70–90-х годов XX века развивали, в основном, авторы, которые делали это в содержательной творческой коммуникации с немногочисленными сообществами, скорее «кружками», объединявшимися вокруг наиболее одарённых, крупных коллег и друзей (мы называем их неформальными, неофициальными сообществами). Другой яркий пример – гуманитарии, образовавшие небольшое, но уже известное в советское время сообщество. Они сплотились вокруг яркого мыслителя В.С. Библера. Это были философы советского времени, которые сформировались в те же годы. Некоторые из них (С. Неретина, В. Ахутин, Т. Длугач) до сих пор успешно работают в философии.

Среди самых ранних по времени были малые неформальные группы исследователей, логиков и философов, которые возникли на философском факультете МГУ ещё в первой половине 50-х годов. Это, например, Московский логический кружок, в котором главную роль играли А. Зиновьев, Б. Грушин, Г. Щедровицкий, М. Мамардашвили и в который потом влились, ещё студентами, В. Швырев, Н. Алексеев, В. Садовский, И. Ладенко и др. В дальнейшем (по самым разным причинам) неформальные исследовательские группы распались – и возникали новые; менялись места их дислокации, причём ими становились различные, иногда самые неожиданные для философских, логических сообществ учреждения (например, в случае одного из самых значительных и, в перспективе, самых прочных объединений – ММК, т. е. Московского методологического кружка под руководством Г. Щедровицкого, это были Издательство АПН РСФСР или НИИ дошкольного воспитания АПН РСФСР и т. д.).

Исследователей неортодоксального философского сообщества, мысль которых брала разгон в 50-х и которые заявили о себе особенно в 60–70-х годах (это и было поколение «шестидесятников» в философии), можно перечислять и характеризовать на многих страницах. Так, школа гносеологии, диалектики, истории философии сложилась вокруг Э. Ильенкова, и она включала таких признанных сегодня философов, в дальнейшем основателей собственных школ, как В. Лекторский, Г. Батищев, Ф. Михайлов, М. Туровский, А. Арсеньев и др. Немалое число университетских учеников Ильенкова, формально не примыкая (по разным, иногда существенным причинам) к его школе, тем не менее испытало, подобно мне самой, сильное влияние этого незаурядного философского ума.

В философии естествознания наряду с исследователями старшего поколения Б. Кедровым, И. Кузнецовым, М. Омеляновским выдвинулись молодые тогда И. Фролов, Р. Карпинская, специализировавшиеся в области философии биологии. Об историках философии молодых поколений уже говорилось в связи с «Философской энциклопедией». Существовали ли специальные историко-философские кружки и группы, мне неизвестно. Скорее, сообщества учеников, студентов и аспирантов группировались вокруг профессоров старшего по-

коления – кстати, в то время совсем не старых людей – В. Асмуса, М. Овсянникова, Т. Ойзермана, В. Соколова, Ю. Мельвиля и др.

К числу наиболее ранних неформальных групп принадлежала та, которая сложилась вокруг очень яркого, талантливого этика О. Дробницкого (увы, слишком рано, в тридцатишестилетнем возрасте погибшего вместе с другим молодым этиком, Д. Средним, в авиационной катастрофе). И отечественная школа этики, у которой немало теоретических заслуг, – это бывшие ученики, соратники О. Дробницкого (и Т. Кузьминой). В 70-е годы ещё более молодым этикам довелось укреплять, а отчасти и заново строить отечественную школу этического исследования.

Взаимодействие философов-шестидесятников и деятелей культуры

Хочу присоединить сюда рассказ о ещё одной ценной составляющей развития моего поколения. В контексте тогдашнего (60–70-х годов) расцвета мировой культуры и внутри неё происходило движение вперёд многонациональной культуры нашей страны, включающее в себя много ярких страниц... У меня до недавнего времени хранились программы разного рода концертов, особенно музыкальных. В нашей студенческой молодости, а потом и в молодости постстуденческой, о чем вспоминают многие коллеги и друзья, было, например, привычным делом пробиваться на галёрку московской консерватории⁶. В пору студенческого и аспирантского бытия московская консерватория была местом, где на концертах встречалось много знакомых лиц. То было время, когда интерес к музыкальной культуре нашей страны возрос во всем мире – а как было ему не возрасти, если можно было на одном концерте слушать Ойстраха, Ростроповича и Рихтера! Афиша этого концерта хранилась у меня долгое время.

Сказанное позволяет нам перейти к вопросу о том, обрела ли отечественная философия – начиная с 60-х годов и включая 70–80-е годы XX века – свою аудиторию и поддержку деятелей культуры в стране и за рубежом? Мы уверены, что обрела. Их встречи и взаимодействия – столь же яркие, сколь и необычные. Расскажем об одной из них.

Для меня эта трепетная тема связана с хорошо известным в истории отечественной культуры именем П.Д. Волковой, педагога ВГИК. Она читала там блистательные курсы лекций по истории искусства. Её программа, её лекции по телеканалу «Культура» были и остаются образцовыми. Я познакомилась с нею ещё в бытность моего преподавания философии во ВГИКе, а в последние пару десятилетий её жизни мы возобновили наше общение и творческое сотрудничество. Сошлюсь в этом случае на её статьи, в которых рассказано о гуманитарных событиях 70–90-х годов XX века, как будто частного смысла. Но на деле – о блестящем, сегодня, увы, почти исчезнувшем опыте – например, о встрече корифеев культуры и науки на особой площадке Высших курсов для сценаристов и режиссёров. В конце 80-х – начале 90-х годов XX века там чудесным образом (но вполне объяснимо при учёте уже сказанного – и благодаря, в частности, энтузиазму, чутью и отваге самой Паолы Волковой) собирались, слушали друг друга, полемизировали друг с другом – в присутствии многочисленной публики – выдающиеся личности тогдашней науки и культуры, неравнодушные к социально-историческим судьбам мировой цивилизации.

Членами группы, о которой идёт речь, были: в 1986-м – блистательный, мирового класса режиссёр-новатор Андрей Тарковский; в 1990 году – М. Мамардашвили, Н. Эйдельман; в 1992 году присоединился Л.Н. Гумилев (сын прекрасных русских поэтов А. Ахматовой и Н. Гумилева) – учёный-энциклопедист, пытавшийся оригинально синтезировать знания

⁶ Между прочим, я и сама, хотя и с трудом, закончила заочно музыкальную школу. Лишённая инструмента и возможности практиковаться игре на фортепьяно, я со временем утратила свои навыки.

разных гуманитарных наук (он написал удивительную книгу «Этногенез и биосфера Земли»).

Место лекций и выступлений М. Мамардашвили – в присутствии и при участии этой неортодоксальной когорты выдающихся умов и талантов тогдашней России – совершенно особое. Это место именно философа мирового класса. Философия его была сложнейшая, принципиально неупрошаемая, глубоко специальная. И высокий талант философствования Мамардашвили был высоко оценён (хотя, в силу его сложности, не всеми и не во всех ракурсах и деталях).

Паола Волкова пишет: «На лекции Мераба ходили все студенты и „вся Москва“. Пропустишь – не вернёшь, не услышишь никогда и в книге не прочтёшь. Лекции эти были общением уникальным. С Мерабом входил иной мир, им созданный, а потому неповторимый». Можно привести примеры фантастического, для сегодняшних любителей стереотипов непредставимого мира общения Мамардашвили с уже известными тогда философами Запада (с Л. Альтюссером, Ж.-П. Сартром), а дома, в России – с прекрасными философами и психологами, с такими яркими, выдающимися кинорежиссерами, как О. Иоселиани, А. Сокуров, с талантливым авангардным скульптором Э. Неизвестным. Мераба наперебой приглашали выступать с докладами, лекциями, хотя хорошо знали, сколь они сложны, порою очень специальные. Но сознание того, что их читает образованнейший, оригинальнейший мыслитель, всегда собирало аудитории преданных слушателей. Примеры деятельного единства философов с теми, кто творил в богатейшем, по всеобщему мировому признанию, искусстве России советского времени столь многочисленны, что не уместаются в рамки небольшой статьи. Остановлюсь отдельно на деятелях литературы.

Литература и поэзия в культурном контексте 60-х годов

Для характеристики центральных гуманистических позиций представителей новой литературы в их зависимости от общекультурного, в том числе философского, контекста кратко остановимся на том, какое глубокое впечатление на современников производила «деревенская проза», например повести выдающегося писателя и смелого, честного гражданина России В. Распутина. А они печатались с начала 70-х годов, хотя задуманы были раньше. Произведения Распутина приобрели сразу настоящую популярность – и, прочувствованные, осмысленные, сделались объектом невиданно массового (что удивительно не только для советского времени, но и для нашей эпохи) внимания, интереса, обсуждения.

Хорошо помню (не дату, конечно, а глубину впечатлений), как в первый раз прочла повесть В. Распутина «Прощание с Матёрой» – щемящий, трогательный рассказ о жизни и страданиях в послевоенный период простой деревенской женщины, чья деревня и чей бедный, но «свой», обжитой сельский дом с крошечной усадьбой должен был (вместе с домами таких же соседей) стать жертвой вряд ли чем-то оправданного затопления (согласно разрушительным планам равнодушного «советского» начальства). По силе письма, глубине характеров повесть «Прощание с Матёрой» (как и другие произведения В. Распутина, как и важная общественная роль этого выдающегося, впоследствии авторитетного, широко известного в стране и в мире, глубоко честного, замечательного писателя) сопоставима с влиянием феноменов дореволюционной российской литературной классики.

Нельзя не упомянуть – кроме В. Распутина – Ю. Нагибина, В. Астафьева, Д. Гранина, также повести, скажем, Ч. Айтматова, Ф. Искандера, писавших не на родных языках, а на превосходном русском. Особняком в этом списке должны стоять имена выдающихся поэтов, писателей России этого же времени Б. Пастернака и А. Солженицына, завоевавших поистине мировую славу. Люди старших поколений не могут не помнить, сколь глубоким

было, например, воздействие повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Разрешение напечатать повесть в журнале «Новый мир» с трудом пробил главный редактор, талантливый российский поэт А. Твардовский. Но ещё в 90-х годах не разрешённые и в период оттепели к публикации произведения А. Солженицына, как и других авторов, для власти «неблагонадёжных», стали доступны тоже очень широкому кругу читателей благодаря «сам-издату».

Где читатели хранили все такие – для власти «неблагонадёжные» – произведения? В своих скромнейших, тесных домах! Применение предложенного нами приёма «воображаемого» постисторического «путешествия», мысленного возврата в «контекст» (здесь – реальной коммуникации новых авторов и их публики) позволяет вспомнить о (знакомых старшим поколениям) релевантных нашим темам приметах реальных процессов тогдашней жизни, в частности свидетельствующих об особой популярности как художественной, так и специальной литературы.

В разных городах страны, а не только в Москве или Ленинграде, вполне реально было встретиться с авторами новой литературы. При этом надо упомянуть о простом как будто факте огромного социокультурного значения: начиная с 50–60-х годов (сначала на основе журнальных публикаций) возникла целая «библиотека» не слишком громоздких – журнальных, а потом и книжных – изданий работ новых писателей и поэтов. Приобретение лучших из них стало страстным желанием (сегодня непредставимым) широкой массы читателей. Не все работы были шедеврами, но год за годом собирались – часто во вполне «средних» по достатку и размеру домам – книги вполне достойного, а то и высокого или высочайшего качества.

* * *

Вскоре – именно вследствие оттепели 60-х годов – произошёл настоящий прорыв в том смысле, что в печать целыми квантами проникли не просто хорошие, правдивые работы, а сочинения выдающихся российских писателей – раньше ещё опальных, оплётанных официозами.

Тогда и поистине гениальные сочинения российских авторов – Б. Пастернака и А. Солженицына – были опубликованы также и на Родине – на языке, на котором они были написаны! Вспоминается ошеломляющее впечатление от чтения небольшой повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича», опубликованной в «Новом мире» (в немалой мере благодаря смелости и настойчивости А. Твардовского). Речь в повести идёт об одном лишь дне в ГУЛАГе простого человека Ивана Денисовича. Повесть была одновременно как бы бесхитростной, бытовой и в то же время потрясающей по своему гуманистическому смыслу. Она глубоко впечатляла жизненной правдой и высочайшими литературными качествами, заставлявшими вспомнить о великих образцах русской литературы. Работы А. Солженицына, Б. Пастернака возвращались на родину – что, скорее всего, было центральным событием тех лет. Широкая публика жаждала попасть на встречи новых литераторов и посвящённые книгам Пастернака, Солженицына.

Наиболее яркие, известные писатели и поэты новой волны выступали не в камерных залах, не для отдельных знатоков, а для невиданно многочисленной публики. Выстраивались большие очереди желающих попасть на такие встречи. Очереди же эти состояли из представителей разных поколений, профессий и т. д. Для подробной характеристики новой литературы России здесь нет места. Но «новый мир» был уже поистине необозримым – и это в значительной степени связано с темами, которые уже тогда и особенно позже стали предметом исследования философов, заинтересовавшихся изучением сознания индивидов и их групп в эти эпохи крутых социальных перемен. Фактом огромного значения для тех лет вообще

стала упомянутая особая публичность восприятия событий духа. И в воображаемом путешествии по литературной России (уже начиная с 60–70-х годов XX века) вполне можно посетить какое-нибудь обсуждение – с участием новых литераторов России, о которых одни читатели умудрялись узнать и неведомо как известить других знакомых и незнакомых людей.

Вообще изумляет, скажем, своей исторической беспрецедентностью – феномен невероятной популярности новой российской поэзии того времени. Для характеристики новых событий культуры рассматриваемого времени следует принять во внимание тогдашний чисто российский феномен популярности новых поэтов, а в их числе и «поющих поэтов». Несмотря на все сопротивление «бдительных» надзирающих инстанций (в их числе – чиновников, «руководивших» культурой), в России этот феномен рано получил особое развитие. Высокопрофессиональные поэты критической направленности обрели невиданную популярность. Это были (назовём только основные фигуры) Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Р. Рождественский и др. Особый феномен тогдашней России – это «поющие» неортодоксальные поэты (В. Высоцкий, Б. Окуджава, Ю. Визбор и др.).

Популярность их была такой, что из окон многих домов звучали их песни, записанные на (тогдашние) магнитофоны. Поразительно, что такого рода «поэтический и поющий самиздат» был необычайно массовым; он выражал, кроме прочего, протест против официозной бодряческой «советской культуры», к тому же идеологически руководимой людьми, очень поздно понявшими необратимость происходивших в обществе процессов такого рода. Они потому не были сугубо маргинальными, что подспорьем служила «малая техника», доступная многим (главным образом благодаря магнитофонным записям). А когда такие записи получили невиданно широкое распространение, понятным было стремление публики «вживую» услышать новых поэтов, в том числе «поющих»...

Наплыв слушателей на публичные мероприятия этого рода был настолько необычным, что организаторам пришлось отводить для поэтических вечеров, скажем, в Москве (но не только в ней) самые просторные публичные залы (например, это были большие залы в очень хорошем, специальном Политехническом музее в центре Москвы). Скоро и большие залы перестали вмещать всех желающих «вживую» услышать новых популярных поэтов – для чтения их стихов. И поэтов-бардов стали слушать... на стадионах! Одному из них, Андрею Вознесенскому, принадлежат особые строки. В конце классической формулы «Когда затребует поэта к священной жертве Апполон» Вознесенский слегка менял текст... Вместо имени «Апполон» он писал слово... стадион! Получалось: «Когда затребует поэта к священной жертве стадион». Тогда так и было: любимых поэтов с чтением их стихов – или с их певческим исполнением под гитару – действительно ждали и восторженно встречали самые большие стадионы!

Ортодоксальные, именно «советские» литературные деятели по долгу службы или по «призванию» доносчиков не преминули отлучить этих новых поэтов от литературы. И их тоже кто-то «слушал»... Но массовой публики они не собирали – да и не надеялись на это. Постепенно известность новых литераторов сделалась не внутривосточным, а отчасти международным делом.

Во время своих пребывания в Германии (с 70-х годов XX века) я имела возможность не раз убедиться в том, что лучшие из новых поющих поэтов – особенно Б. Окуджава и В. Высоцкий – приобрели немалую популярность также и в странах Европы, причём не только среди бывших россиян. Например, у моих добрых, многолетних друзей из Марбурга, славистов Вилли Люкеля и Барбары Кархофф, обыкновенно останавливался, посещая Германию, Булат Окуджава. Барбара прекрасно переводила тексты песен Б. Окуджавы и для печати, и во время его вечеров, и когда он приезжал в Германию, публика была тоже массовой. Хорошо известны факты из жизни В. Высоцкого, тоже связанные с его европейскими творческими встречами. А это зна-

чит, что популярность поэтов советского времени не была только российской. Песенная культура разных стран на их родных языках (или переведённая в других странах) к середине XX века вообще становилась интернациональным явлением, что продолжается и в новом, XXI столетии.

*О некоторых эпизодах взаимодействия
российских философов 60–70-х годов и зарубежных коллег*

В своей монографии «Отечественная философия 50–80-х годов и западная мысль» я пыталась обратить особое внимание на достаточно ранний эпизод международного сотрудничества, а именно на Международную конференцию о Марксе, состоявшуюся в Париже в мае 1968 года – в честь столетия со дня рождения К. Маркса [Мотрошилова 2012: 56–62].

Наряду с её участниками, известными тогда философами из стран Запада (Т. Адорно, Р. Арон, Ф. Фераротти, Э. Фромм, Ж. Ипполит, Р. Гароди, Ю. Хабермас, Э. Хоббсбаум, Г. Маркузе) в конференции приняли участие лучшие философы из стран, которые тогда не возражали против того, чтобы их именовали социалистическими (З. Бауман, А. Шафф, И. Зелены, Д. Маркович). Была и делегация философов из нашей страны. Она не могла не быть неофициальной. Собственно из специалистов-марксоведов там присутствовал и, как всегда, профессионально выступал Т.И. Ойзерман. Что касается других наших учёных, то в конгрессе участвовали люди с недогматической, научно-исследовательской репутацией в разных областях социального и философского знания (А. Румянцев, Ю. Замошкин, В. Шинкарук, А. Виноградов и др.).

Благодаря моему мужу Ю. Замошкину (в числе других борвавшемуся в нашей стране за особые права социологии как самостоятельной неортодоксальной дисциплины), я до сих пор располагаю историческими редкими интересными материалами, отражавшими дискуссию этой конференции. Она свидетельствует: и во всем мире, и в нашей стране осуществлялось активное переосмысление мыслей К. Маркса, влияние которого на тогдашнее идейное развитие отмечалось во всем мире. И неслучайно, что именно эти линии углублённых исследований философии Маркса наметили возможность плодотворных дискуссий с мыслителями Запада.

Но, пожалуй, наиболее интересной и животрепещущей была общая дискуссия. Понятно, что философам и социологам из СССР «следовало» быть «за Маркса», доказывать значимость его теории, в частности, в философии. Но конференция доказала: самые «горячие» вопросы о Марксе и марксизме ставили западные философы, притом наиболее известные. Так, известный тогда автор Раймон Арон поставил вопрос наиболее остро: «устарел ли К. Маркс?» Как свидетельствует опыт, в той или иной форме он будет «всплывать» и в XXI веке.

Совершенно особым философским событием рассматриваемого периода 70-х годов был Международный Гегелевский конгресс, проведение которого в Москве инициировали именно немецкие и другие европейские философы, объединённые в высокопрестижное тогда (впрочем, и сегодня) Международное гегелевское объединение (Hegel-Vereinigung). Для нас, философов России, это событие было столь же необычным, возможно, и неожиданным, сколь и высокозначимым по своему долговременному и многомерному влиянию.

Но обо всем по порядку. Начну, однако... с конца, т. е. с сегодняшних дней.

С учёными разных стран, особенно немецкими, имена которых я буду вспоминать по ходу моего рассказа, у меня лично (за долгие времена, которые прошли с 1974 года, а подчас и с более ранних лет), к счастью, сложились тёплые коллегиальные, а порой и дружеские отношения, не прервавшиеся и сегодня.

Недавно, будучи именно в Мюнхене на симпозиуме, я позвонила Дитеру Хенриху, корифею немецких философов из старшего поколения, которого я глубоко чту и за его выдающуюся работу, и за неизменную и уникальную помощь в осуществлении наших – впоследствии – широких, объёмных и всё же выполненных совместных проектов российских и немецких философов, объединившихся вокруг новых линий исследований немецкой философской, в частности историко-философской, классики.

К 1974 году, т. е. к упомянутому конгрессу, я уже частично познакомилась – через произведения и лично – с некоторыми видными коллегами из Германии и других стран, занимавшимися философией Гегеля, поскольку сама уже немало поработала в области гегелеведения. И тогда я уже вполне понимала, сколь много интересного и содержательного внесли в эту область историки философии, объединившиеся в *Negel-Vereinigung*. Имя Дитера Хенриха, его научный авторитет были в мире, не говоря уже о Германии, самым, пожалуй, главным. Группа философов, которая вместе с ним прибыла на Московский конгресс, состояла из интереснейших, частично уже хорошо известных авторов, историков философии разных стран. Из ФРГ приехали – кроме Д. Хенриха – М. Петри, Г. Люббе, Г. Фульда, М. Теннисен, Г. Засс, А. Пеперзак и др.; из Франции прибыл известный философ-марксист Луи Альтюссер. Я не стану перечислять по фамилиям участников конгресса философов-исследователей из нашей страны [Мотрошилова 2012: 85]. Но смею уверить, что ими были известные и тогда авторы – историки философии из СССР, которые – с разных точек зрения и в свете различных философских специализаций – уже внесли (и позже ещё внесут) позитивный вклад в анализ философии Гегеля. Их имена – особенно А. Гульги, Т. Ойзермана – были тогда и остаются сегодня хорошо известными и в мировом гегелеведении.

Одним словом, сам факт проведения в Москве и содержательность Гегелевского конгресса 1974 года были результатом большой и конкретной работы как, разумеется, западных (главным образом, немецких), так и российских специалистов по истории гегелеведения (также канто-шеллинго-фихтеведения), которая к 70-м годам частично была проделана! Это была основа для дальнейшего – как считаю, полезного и содержательного – сотрудничества зарубежных специалистов-исследователей немецкой классической философии, прежде всего немецких, и тех, кто в России, следуя давним российским традициям в исследовании «немецкого духа», старался максимально глубоко вникать в то новое, что на этом научном философском плацдарме появилось и, надо ожидать, появится в мировой исследовательской литературе в связи с выдающимися традициями и немецкой, и российской историко-философской классики. Это были годы настоящего прорыва в нашей совместной работе над немецкой классикой.

В заключение и доказательство этой идеи кратко упомяну о совместных научных мероприятиях, которые стали прямым следствием упомянутого конгресса – и, в частности, нашего сотрудничества с *Negel-Vereinigung* и другими дружественными нам сообществами немецкой классической философии.

1980 год, Москва, Международный симпозиум на тему «„Наука логики“ Гегеля: проблемы диалектики». К сожалению, книга «Философия Гегеля: проблемы (на русском языке)» вышла у нас только в 1987 году [Философия Гегеля... 1987], тогда как материалы того же симпозиума на немецком языке издательство Клетт-Котта опубликовало в 1986 году [*Hegels Wissenschaft der Logik...* 1986]. Имена авторов западной стороны говорят сами за себя: Д. Хенрих, К. Дюзинг, Ж.-П. Лабарьер, М. Вольф, Ч. Тейлор, П. Гайер, В. Эслер, Л. Пунтель, Х. Киммерле, Р. Виль, Г.Ф. Фульда. Участвовали также философы из тех стран, которые тогда именовались социалистическими (Г. Лей, П. Рубен, Э. Альберехт из ГДР, И. Зелены из Чехословакии).

Опуская рассказ о некоторых более конкретных симпозиумах и публикациях, кратко упомяну об одном событии, о котором ранее мне уже приходилось писать специально. Оно свидетельствует о многом – и прежде всего о трудностях, которые пришлось преодолевать обеим сторонам тогдашней нашей коммуникации. И подчас, из далёкой сегодняшней перспективы, вспоминая проблемы и трудности тех лет, что-то удавшееся, состоявшееся кажется почти невероятным.

Таким событием стало опубликование мной как ответственным редактором (Herausgeber) в реномированном немецком издательстве «Зуркамп» специальной книги «Очерки по истории западной философии. 11 работ более молодых советских авторов» [Studien zur Geschichte der westlichen Philosophie... 1986].

Когда мне (после публикации и в России, и на Западе ряда наших общих книг – притом самых ранних, о которых ранее упоминалось) предложили издать вышеупомянутую книгу, то, с одной стороны, для меня и солидарных со мною коллег это, вполне понятно, была большая честь и радость. Нужно было преодолеть многие преграды и трудности отнюдь не научного и содержательного, а скорее политико-идеологического свойства. Причём это надо было сделать не только нам, но и нашим немецким коллегам.

Что касается наших трудностей, то они начались сразу – на уровне заявки. По тогдашним правилам полагалось получить одобрение философского отделения АН СССР. А международную деятельность в нашем отделении тогда курировал академик М.Т. Иовчук, один из главных и добровольно ревностных идеологических догматиков. От него зависело – утвердить или «зарубить» нашу заявку. И вот тогда мудрейший Т.И. Ойзерман дал мне, как выяснилось, мудрый же совет: сказать, что немцы хотят опубликовать работы молодых российских авторов, историков философии («Иначе, – сказал он, – Иовчук сам к вам примажется»). Я так и сделала. Книгу мы задумали и отправили в издательство довольно рано – в 1976 году.

Я придавала большое значение тому, чтобы перевод был сделан искусным переводчиком – по той причине, что философы, авторы этой книги, входили, как правило, в число лучших стилистов нашей истории философии. Мастер по переводу нашёлся, вернее, нашлась (им стала Зигрун Билефельд, которой мы до сих пор благодарны за филигранный перевод, как правило, высококлассных в литературном отношении статей авторов из России). Но она ли работала долго или другие «формальности» обнаружались – только издание в «Зуркампе» затянулось на 10 лет. Книга вышла только в 1986 году! Пресса о ней была более чем благоприятная. Единственное, чего не могли понять читатели, – почему мы, авторы, названы «jüngere», т. е. более молодыми... Да, за прошедшие годы мы успели стать не «jüngere».

Я как издатель видела свою цель в том, чтобы было рассказано о действительно ярких, творческих фигурах, которые составляли (когда-то действительно) более молодую поросль. Но ведь они же в конечном счёте и на будущее время – вплоть до сегодняшнего дня – обладают непреходящим авторитетом и в нашем отечественном, и в мировом историко-философском сообществе. Перечислю авторов зуркамповской книги: С. Аверинцев, П. Гайденко, А. Лебедев, Э. Соловьев, М. Козлова, В. Лекторский, Г. Майоров, А. Доброхотов, А. Володин, Н. Автономова.

Поделюсь ещё одним воспоминанием по философии. По приглашению академика И. Фролова – соратника и помощника Горбачева – в Москву с лекциями приехал Ю. Хабермас. И мне (поскольку я ранее познакомилась с ним на философском конгрессе в Брайтоне) поручили встретить его в аэропорту. Хабермас по дороге попросил познакомить его с Э. Соловьевым, чью статью в зуркамповской книге он счёл превосходной. (Потом он пригласил Э. Соловьева с лекцией в свой семинар в Университете Франкфурта-на-Майне. До сих пор

храню адресованное мне письмо Хабермаса, который сообщает об успехе выступления Э. Соловьева на этом семинаре...)

В моей конкретной работе с немецкими коллегами в последние годы произошёл вынужденный перерыв (из-за возраста и из-за нелёгкого перелома двух ног). Но не было перерыва в работе. К счастью, удалось продолжить исследования, при этом – по разным линиям моей работы, которая, как и раньше, сконцентрирована вокруг истории немецкой философии. В частности и в особенности, это сказалось, увы, на конкретном общении с коллегами... Тем радостнее было знакомство с молодой группой мюнхенских коллег. Особенно потому, во-первых, что они в сегодняшние дни продолжают общение с философами России, занимаясь также и русской философией. Во-вторых, меня особо впечатлила самостоятельная публикационная активность молодых исследователей вокруг исследования исторических этапов и проблем, ключевых и для философской истории, и для современных проблем философии. (Например, современный вид и объём исследований вокруг ключевого и для истории понятия «Geist» интересуют меня живейшим образом.) Конечно, в моем более чем солидном возрасте вряд ли можно что-то загадывать вперёд... Кант как-то остроумно называл свой возраст «hochgetagten» (как это выразительно – ведь действительно протекает, уходит в прошлое много, много дней...), будучи по понятиям наших времён довольно «молодым»...

Об Институте философии академии наук

Для того чтобы было понятно, почему стало возможным и успешным проведение рассматриваемого конгресса в Москве и именно в 1974 году, надо рассказать о той совершенно особой ситуации в истории Института философии АН СССР, которая в то время сложилась.

В Институт философии я в 1959 году поступила в аспирантуру. Ранее, во время учёбы на философском факультете МГУ (1951–1956), уже посчастливилось выбрать философский, конкретнее – историко-философский путь специализации. Несмотря на достаточно противоречивую организационную структуру тогдашнего Института философии, и тут удалось отстаивать свою тему диссертации, связанную с анализом феноменологии Гуссерля и социологии познания (догматики считали её идеологически подозрительной). К тому времени в ИФ уже взаимодействовали представители нескольких поколений, среди которых жили, боролись, страдали и те люди, которые хотели стать философами-профессионалами и – несмотря на трудность, борьбу, утраты – действительно стали ими!

Но вот что самое поразительное (хотя это вполне «российское» явление): в 60–70-е годы как бы неожиданным образом и в Институте философии начала своё неуклонное становление, а потом и оживлённое творческое развитие богатейшая по размаху и глубокому содержанию исследовательская, научная, оригинальная философия в её разнообразных специализациях! Одним из объективно-субъективных условий (хорошо известным и полностью использованным теми, кто тогда работал и в Института философии, и на философских факультетах лучших университетов) стало естественное для России сплочение и активное коллективное сопротивление идеологической догматике со стороны профессионально ориентированных философов разных поколений. Не имея возможности вникать здесь в детали, свидетельствую: в общем и целом результатом этого стали именно высококачественные творческие исследовательские результаты в уже расчленённой, специализированной философии, что тогда и впоследствии доказывалось как раз активной публикацией результатов соответствующих исследований.

Важно, что в Институте философии, например, такое опубликование оказалось возможным! Более того, оно имело объективно-процедурное закрепление: как сотрудники

АН СССР, мы не просто имели право, но нам вменялось в обязанность публиковать результаты наших исследований в Издательстве Академии наук (и оно, со своей стороны, следило за выполнением планов институтами Академии наук). Выполняли свою работу (высокопрофессиональную, эффективную) также другие издательства, которые практически делали удивительные (причём государством финансируемые) специальные проекты широкого общекультурного и научного значения. Для истории духа, культуры, самой философии издания классики имели колоссальное значение. Понятное дело, реально издания философской классики выполняли, да только и могли выполнять, профессионалы высокого класса. Скажем, по отношению к философии это были публикуемые издательством «Мысль» сочинения Бэкона, Декарта, Спинозы, Канта, Гегеля и многих других классиков философии. Кстати, многие из них планомерно и строго осуществлялись – особенно издания философской классики – благодаря практической работе историков философии Института философии в содружестве с прекрасным, тоже профессиональным историко-философским отделом издательства «Мысль». (Такие структуры, увы, оказались недалековидно – если не преступно – разрушены в постсоветские годы.)

Важнейшим следствием оказалось то, что благодаря кратко охарактеризованной работе Института философии АН СССР было как бы предуготовлено, если не обеспечено появление творческих поколений философов ещё в СССР, потом выросших и занявших своё место в отечественной и мировой философии уже в 80-х и 90-х годах XX века. Словом, была создана научная база для успешной профессиональной работы сегодняшних поколений философов.

Несколько историй из жизни Института философии

Многое в жизни Института философии было абсолютно типично для гуманитарных институтов советского времени. Я написала об этом периоде книгу [Мотрошилова 2012], чтобы ответить на главный вопрос: почему и как получилось, что тогда были написаны и к тому же увидели свет лучшие работы так называемой философии советского периода? почему и как получилось, что было очень много людей, которые работали уже не по тогдашним официозным правилам? Я написала, что для этого периода, примерно с 60-х годов, была характерна антиномия. И то была живая антиномия, которая все пронизывала. Одной стороной этой антиномии было «советское», «марксистское» – и все тут существовало всерьёз. Многочисленные документы, люди, группы, постановления... Хуже всего было с теми рамками, в которые надо было попадать, если ты защищаешь диссертацию. Обязательно нужно было сослаться на какое-нибудь решение съезда или пленума ЦК КПСС. И все это долго продержалось... Один пример: защищает диссертацию молодой человек, психолог, и он должен был где-то вначале сослаться на решение последнего съезда КПСС. Как бы предполагается, что там обязательно что-то близкое говорилось к проблемам психологии. Один из присутствующих у него на защите, очень въедливый человек, попросил слова и сказал: «Вот Вы ссылаетесь на такие-то решения, а там речь идет про крупный рогатый скот...» Тогда это не вызвало ничего кроме смеха собравшихся. Но годами раньше – кто знает, что бы могло случиться. Ибо это все и было на таком уровне: написал – отделался. Другая же сторона антиномии состояла в том, что уже можно было, и с немалым успехом, последовательно, заниматься своим делом. И притом – были уже внутри институтов – крепкие, хорошие сообщества.

Но я утверждаю, что была и вторая сторона антиномии. Применительно только к истории философии я выписала в уже упоминавшейся книге «Отечественная философия 50–80-х годов XX в. и западная мысль» в разных местах не менее ста пятидесяти фамилий лучших историков философии. И это были прекрасные профессионалы, да и до сих пор их труды чи-

тают, изучают. Точно так же было и в социологии, гносеологии, логике. В общем, под конец было так – и это было везде: одни строчили доносы, а другие работали в философии. Надо было и в этих условиях научиться добротнo работать, писать. И это получалось! А главное – существовали творческие сообщества! Одно время мы выступали на телевидении. Там была программа «Философские беседы». А потом мы познакомились с человеком, который вёл другую программу. И он мне говорит: «Вы в Институте философии работаете?» Я говорю, да. «А Вы знаете там такую Тамару Длугач?» Я говорю, знаю, и очень близко. Он говорит: «Она – талантливейший рассказчик!» И это мне сказал человек, который работает на телевидении! И действительно, Тамара Длугач может и сегодня говорить об истории французской или немецкой философии так, как будто она сама была где-то там. Она дивно читала лекции, её «Антиномии в развитии философии советского периода» обожали ребята, которым она читала историко-философский курс. Потому что она ничего не говорила кроме того, что сама поняла, осмыслила. А это во многом благодаря тому, что с молодости она работала в уже упоминавшейся группе В. С. Библера. Эти люди жили тем, что общались друг с другом.

* * *

Так получилось, что в рамках философского мира России того времени правили партийные деятели (а были и похуже люди, которые могли на кого угодно написать доносы) – несмотря на них, институт сложился как одно из лучших не только в нашей стране, но и в мире философских учреждений. А ведь в нем – от первого дня, когда я туда пришла, до последнего дня советской власти – была борьба. У нас было по сути дела два института в одном институте. Однако, оглядываясь на свою жизнь, я не испытываю скорбных чувств. Жить было интересно, работать было возможно. И, самое главное, удалось не сделать что-то важное против своей воли. А что я делала по своей воле, я делала с хорошим настроением. И люди, которые считают, что раз была советская эпоха, значит, все надо перемазать чёрной краской, – вот кто мои враги. И между прочим, тогда не было особой проблемой, являешься ты «советским» философом или нет. Вопрос решался сам собой: или ты в философии и умеешь в ней работать, а если нет – делаешь что-то другое.

Литература вопроса

Тексты многочисленных авторов, в чьих работах отражён мощный качественный рывок вперёд философии России советской эпохи, доступны – и не только в России, но и в других странах. Очень важно, что к сегодняшнему дню вышла и будет продолжена объёмная (более 20 томов) серия «Философия России второй половины XX века» (а это как раз философия советского периода).

В ней опубликованы тома, посвящённые выдающимся философам России советского времени. Это: А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, В.Ф. Асмус, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Кедров, Э.В. Ильенков, А.А. Зиновьев, М.К. Мамардашвили, И.Т. Фролов, П.В. Копнин, В.С. Библер, Г.П. Щедровицкий, М.А. Лифшиц, Г.С. Батищев, М.К. Петров, В.А. Смирнов, Э.Г. Юдин, М.Ю. Лотман, Л.Н. Митрохин; а том «Российская философия продолжается: из XX века в век XXI» был посвящен В.С. Стёпину, Т.И. Ойзерману, А.А. Гусейнову, В.А. Лекторскому [Российская философия продолжается... 2010].

В серии представлены работы весьма достойной части философов России советского времени и исследования о них. При этом в данной серии содержится лишь часть тех имён и произведений, которые вполне достойны значиться внутри этой целостности.

В своей книге 2012 года «Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль», выбрав ряд областей философского знания (история философии, философия науки,

социология познания и т. д.), я привела – только применительно к этим областям – пространственные перечни идей и работ настоящих профессиональных философов-учёных, внёсших объективно зафиксированный и, в сущности, без особых споров высоко оценённый вклад в развитие философии, причём разных философских специализаций. И, в сущности, все они (условно) включают примерно по сотне отобранных временем имён известных и честных учёных-исследователей (причём лишь в некоторых близких мне специализациях).

В Институте философии РАН (в котором, как сказано, я работаю всю жизнь, начиная с аспирантуры) осуществлялась ранее и осуществляется сегодня вполне отвечающая существующим интернациональным критериям скрупулёзная исследовательская работа. В частности, специалисты, начавшие трудиться также и в интересовавшее нас время, продолжают свои высокопрофессиональные философские исследования. И они неизменно с интересом и вниманием воспринимаются профессиональным сообществом – вплоть до наших дней.

Наилучшие доказательства читатели данного сборника, полагаю, получают сами, ибо его авторы – те самые, о которых шла речь как о представителях разных поколений российского исследовательского философского сообщества России, известные в нашей стране и за её рубежами, которые как раз и служили мне прототипами в моих обобщённых портретах, соотнесённых с хорошо знакомыми оригиналами.

Автономова Н.С. 2009. *Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров*. – М.: РОССПЭН.

Гусейнов А.А. 2005. Н.В. Мотрошилова и философы-шестидесятники. – Мотрошилова Н. В. *Работы разных лет*. – М.: Феноменология-Герменевтика.

Лекторский В.А. 2008. «Вопросы философии» за 60 лет. – *Философия, наука, культура. «Вопросам философии» 60 лет*. – М.: Вече. – С. 5–10.

Лекторский В.А. 2016. Глазами очевидца (вместо предисловия). – Ильенков Э., Коровиков В. *Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955)*. – М.: Канон+.

Мотрошилова Н.В. 2005. *Работы разных лет*. – М.: Феноменология-Герменевтика.

Мотрошилова Н.В. 2007. *Мераб Мамардашвили: философские размышления и личностный опыт*. – М.: Канон+.

Мотрошилова Н.В. 2012. *Отечественная философия 50–80-х годов и западная мысль*. – М.: Академический проект.

Российская философия продолжается... 2010. *Российская философия продолжается: из XX века в век XXI* / Под ред. Б.И. Пружинина. – М.: РОССПЭН.

Философия Гегеля... 1987. *Философия Гегеля: проблемы диалектики* / Под ред. Т.И. Ойзермана, Н.В. Мотрошиловой. – М.: Наука.

Эвальд Васильевич Ильенков... 2004. *Эвальд Васильевич Ильенков в воспоминаниях* / Под ред. Г. В. Лобастова. – М.: РГГУ. – С. 5–7.

Hegels Wissenschaft der Logik... 1986. *Hegels Wissenschaft der Logik. Formation und Konstruktion* / Hrsg. von D. Henrich. – Stuttgart: Klett-Cotta.

Studien zur Geschichte der westlichen Philosophie... 1986. *Studien zur Geschichte der westlichen Philosophie: Elf Arbeiten Jüngerer sowjetischer Autoren* / Hrsg. von N.V. Motrošilova. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. – 266 S.